

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

УДК 81.-13

DOI 10.37386/2949-3307-2025-8-1

РОЛЬ ВАЛЕНТНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Барбашов Владимир Петрович

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются отглагольные существительные как средства вербализации интенциональных состояний в современном публицистическом дискурсе ФРГ. Автором разработан интенциональный подход, позволяющий раскрывать потенциал данных языковых единиц в аспекте данной научной проблематики. Фактическим материалом исследования послужили публицистические тексты как фрагменты дискурса, которые были извлечены методом сплошной выборки из таких современных периодических изданий в Германии, как “Deutschland” и “Spiegel”.

Ключевые слова: интенциональность, интенциональное состояние, интенциональный акт, историческая память, отглагольное существительное, публицистический дискурс.

Введение

Как показывает анализ трудов отечественных и зарубежных ученых, проблематика вербализации исторической памяти Германии является предметом многих научных изысканий и до сих пор не утрачивает своей актуальности: А. Ассманн [14], Р.А. Малинина [6], К.А. Мясникова [8], К. Фолльнхальс [12], Х. Хайдемайер [13].

Так, например, в тексте своей статьи «На стыке тысячелетий: что мы возьмем в будущее?» журналист Юрген Кока поднимает глобальную тему исторической памяти (*die historische Erinnerung*) немецкого народа и рассматривая ее сквозь призму событий мировой истории, определяет роль данного интенционального состояния как ресурса для будущего поколений в Германии: In der *historischen Erinnerung* an das 20. Jahrhundert dominiert hierzulande *die Erinnerung* an Verfolgung und Krieg, an die Ermordung der Juden und andere Untaten der Deutschen. Diese *Erinnerung* ist immer auch quälend, bisweilen eine unerträgliche Last. Doch solche *Erinnerung* ist nicht nur unvermeidlich, sondern auch produktiv, kann es jedenfalls sein. Sie war es für die Generation, die die Bundesrepublik Deutschland aufbaute, und die darauffolgende. *Die Erinnerung* hat nicht gelähmt, sondern mobilisiert und zugleich vorsichtig gemacht. Sie hielt im Bewusstsein, dass auch eine moderne Zivilisation in Barbarei umschlagen kann. Sie motivierte zum politischen Engagement mit dem Ziel, in Zukunft Ähnliches zu vermeiden. Langsam und gegen viel Widerstand wurde *diese Erinnerung* zum zentralen Baustein demokratischer Identität in der Bundesrepublik Deutschland, in bewusster Absetzung von ihrer diktatorischen Vorgeschichte. Sie konnte sogar zur Folie einer gewissen Genugtuung darüber werden, dass die Bundesrepublik ihr nationalsozialistisches Erbe vergleichsweise gründlich überwand und mit ihr in Deutschland zum ersten Mal eine dauerhaft funktionierende stabile Demokratie entstand: *Erinnerung* als Ressource, die auch im wiedervereinigten Deutschland zur Verfügung steht, wo es allerdings zusätzlich darum geht, *die Erinnerung* an zwei deutsche Diktaturen zu verknüpfen [19, S.11].

Атрибутивное словосочетание *historische Erinnerung* используется автором в заголовке статьи в риторическом вопросе с целью актуализации исторической памяти в коллективном сознании читателей. Именно историческая память поможет современному поколению постичь всю взаимосвязь и противоречивость событий XX-XXI вв. в мировой истории, которые,

безусловно, отразились и на историческом развитии Германии. Употребление данного атрибутивного словосочетания, актуализирующего соответствующее интенциональное состояние, отражает основной принцип построения публицистического текста в жанре проблемно-аналитической статьи, когда заголовок, как один из важных компонентов структуры текста, выражает основную тему текста, предвосхищая более детальное рассмотрение проблемы.

Публицистический текст как фрагмент дискурса транслирует как языковые так и социальные знания о мире для определенной языковой общности, и в то же время отраженные в нем социальные практики данной общности в значительной степени предопределяют релевантность определенных интенциональных состояний, свойственных носителям данного языка. Историческая память нации онтологически коррелирует с понятием коллективной интенциональности. Историческая память как форма актуализации коллективной интенциональности «пронизывает» взаимосвязь релевантных дискурсивных событий. Например, в своей статье в журнале «Шпигель», журналиста Александр Юнг вспоминает экономическую реформу Людвиг Эрхарда, когда была введена новая валюта – знаменитая западногерманская марка (*Deutsche Mark*): Die Bürger misstrauten dem neuen Geld. Viele fürchteten, die D-Mark könnte zur Weichwährung werden; zu frisch war noch *die Erinnerung* an die Hyperinflation von 1923 [18, S. 99]. И здесь же автор использует данную ретроспективу в рамках актуализации событий экономического кризиса в Европе, начиная с 2008 года, когда стала заходить речь о том, нужно ли отказаться от евро и вернуться к немецкой марке (марке ФРГ): Geblieben ist ein nationales Trauma, das bis heute nachwirkt. Die Inflationsangst ist in Deutschland weit verbreitet, die Geldpolitik hierzulande fühlt sich mehr als anderswo der Stabilität verpflichtet, *die Erfahrung von 1923* sitzt tief im *kollektiven Gedächtnis der Deutschen* [18, S. 107].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дискурс, отражая исторический контекст социальной практики той или иной языковой общности, с одной стороны транслирует экстралингвистические или фоновые знания (социальная информация), а с другой стороны знания языковые, которые зафиксированы в знаковой системе языка, его «внутренней форме». Дискурс обладает надындивидуальной сущностью, поскольку создается не одним человеком или группой, а социумом. Исследования в области феномена вербализации интенциональных состояний человека как представителя определенного социума и носителя языка, восходящие еще к средневековой схоластике, остаются актуальными до сих пор. Сегодня в научном изучении публицистического дискурса фокус исследователей заметно сместился с коммуникативной функции на смыслообразующую, когда сам текст становится своеобразным генератором смыслов: исходно заложенный смысл подвергается в ходе культурного функционирования текста сложным переработкам и трансформациям, в результате чего происходит приращение смысла.

Сущность и понятийно-категориальный аппарат интенционального подхода

Интенциональный подход, разработанный нами для анализа языковых средств в области вербализации интенциональных состояний, базируется на понятии «интенциональность» [3]. Интенциональность трактуется как основополагающая структура сознания, включающая в себя комплекс ментальных состояний, направленных на объекты и положения дел в мире. Интенциональные состояния характеризуют личность как интенциональную систему высшего порядка: они выражают предметную направленность переживаний сознания человека как субъекта познания и носителя языка, и соотносят эти переживания с предметами опыта. Социальная природа интенциональных состояний заключается, прежде всего, в том, что их существование возможно исключительно при условии участия личности в социальных практиках, что объясняет интенциональный характер поведения человека, навыки которого он приобретает в процессе онто- и филогенеза в рамках сознательной жизнедеятельности в социуме. Таким образом, интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания человека и понимается как смыслообразующая величина: посредством вербализованного интенционального акта носитель языка придает определенное значение объективной действительности.

В рамках данного подхода мы опираемся на основные постулаты немецкой школы анализа дискурса. Так, З. Егер рассматривает дискурс как поток знаний или социальных запасов знаний сквозь время, определяющий индивидуальные и коллективные действия и образы, посредством чего он [дискурс] осуществляет воздействие. При этом знания трактуются как все виды содержания сознания – значений, с помощью которых люди истолковывают и формируют окружающую их действительность. Эти знания люди извлекают из соответствующих дискурсивных взаимосвязей, в которых они рождены и в рамках которых они находятся в течение их жизни [17, S. 82].

Интенциональный подход включает понятие интенционального акта. Он представляет собой сверхфразовое единство в публицистическом тексте, состоящем из цепочки взаимосвязанных предложений, объединенных вокруг одного коллективного символа на денежном знаке. Интенциональный акт устанавливает связь между интенциональным содержанием и интенциональным объектом, т. е. предметами и положениями дел в мире, отраженными пропозициональным содержанием. Согласно концепции швейцарского исследователя М. Эсфельда, личность только тогда находится в интенциональных состояниях, когда она принимает участие в социальных практиках. При этом интенциональными являются те состояния личности, которые имеют понятийное, т. е. пропозициональное содержание [15, S. 147]. Таким образом, предметы и положения дел в мире, будучи отраженными пропозициональным содержанием как необходимым условием наличия интенциональных состояний личности, выступают в роли интенционального объекта. Пропозициональное содержание детерминировано дискурсивным событием, отражающим фрагмент социальной практики языковой общности. Дискурсивное событие представляет собой значимое для данной языковой общности событие на определенном этапе ее исторического развития. В креолизованном тексте оно маркируется лексическими единицами, значения которых имеют отчетливую внешнеязыковую соотнесенность.

Отглагольные существительные как маркеры интенциональных состояний: теоретический анализ

Наряду с интенциональными глаголами, другим языковым средством выражения интенциональных состояний являются их субстантивные дериваты, или так называемые абстрактные существительные: это отглагольные существительные, или deverбальные номинализации. Отглагольная деривация существительных занимает значительное место в лексической системе современного немецкого языка. В трудах таких исследователей как В.Ф. Балакирев, Т.С. Глушак, Н.А. Маслова, В. Мотш, М.Д. Степанова, В. Фляйшер подчеркнута высокая продуктивность словообразовательной модели таких существительных. Словообразовательная связь отглагольных существительных, в частности производных с суффиксом *-ung*, находит свое выражение в их потенциальной способности передавать в опредмеченном виде процесс действия, выражаемый соответствующей глагольной основой. Существительные с суффиксом *-ung*, как воплощение типа регулярной деривации, структурированы двумя стандартными для деривата конститuentами – производящей основой и суффиксальным формантом. Такая модель является открытой и осознается носителями языка как потенциальная возможность для образования новых производных существительных с суффиксом *-ung*, как образец регулярной деривации, т.е. конструирования новых слов с таким основным значением, как словообразовательное, или деривационное [7, с. 23].

В процессе такого конструирования по модели отражается принцип соотнесения производящего глагола и производного существительного, а именно, сохранение лексического значения глагола, т.е. значение действия, процесса, состояния, при изменении только категориальной характеристики слова. Таким способом изначально признанное, несубстанциональное лексическое значение преобразуется в предметное, субстанциональное значение – с соответствующими последствиями для синтаксического функционирования слов, являющихся продуктами номинализации (субстантивации). Согласно классификации основных словообразовательных моделей современного немецкого языка, предложенной М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, модель образования отглагольного существительного

с суффиксом *-ung* может быть также представлена следующим образом [10, с. 102-103]: $M_6 : L_2 = L_1 + DS$ (M_6 – обозначение модели и ее порядковый номер в классификации авторов; L_2 – вторичная, производная основа (основа слова, подлежащего анализу); L_1 – первичная, производящая основа или база (основа, входящая в состав производной основы); DS – словообразовательный (лексический) суффикс).

Прозрачная мотивированность глаголом является характерной для дериватов с суффиксом *-ung*. Она возникает благодаря потенциальной готовности глагольных основ модифицироваться, а именно номинализироваться посредством данного форманта. Несмотря на то, что эта словообразовательная потенция носит общеглагольный характер, ее реализация связана с некоторыми ограничениями. В качестве ограничивающего фактора могут выступать семантические свойства самой глагольной основы, т.е. то обстоятельство, что, например, глаголы действия более предрасположены к созданию имен действия, чем глаголы состояния и собственно процесса (они предстают преимущественно как субстантивированный инфинитив) [4, с. 17].

Имена с суффиксом *-ung* семантически двуслойны. В их формировании принимают участие такие части речи, как глагол и существительное. Глаголу принадлежит основа, которая воплощает процессуальность, а в рамках существительного создается производная, воплощающая предметность. Внутреннее расслоение в данном едином семантическом классе происходит в силу того, что значение «предметность» может становиться со временем доминирующим и нейтрализовать «процессуальность». Девербативы с суффиксом *-ung* обладают высокой синтагматической активностью в языке, поскольку возможности сочетаемости этих, как и других лексических единиц, предопределяется их семантической структурой, так как в варьировании синтаксических возможностей получают отражение семантические различия. Подобно глаголам, отглагольные имена несут в себе интенцию (коммуникативное намерение), содержат имплицитную (свернутую) предикативность, чем и предопределяется их способность разворачиваться в контекстных условиях, трансформироваться в предложения. Валентность абстрактных девербативов предопределяется валентностью мотивировавших их глаголов, т. е. она оказывается, как бы генетически запрограммированным феноменом, хотя преобразование глагольной валентности в именную и сопровождается переосмыслением связей [4, с. 19-20].

Явление содержания имплицитной свернутой предикативности в значительной степени предопределяет прагматический потенциал отглагольных существительных, а именно они могут выражать не единичные понятия, а выступать как заместители целых высказываний, ситуаций, событий [2, с. 65]. Наличие в составе предложения таких слов с имплицитной предикативностью является важной предпосылкой формирования полипредикативного высказывания как отражения усложненной ситуации. В таком высказывании существуют как минимум две предикативные линии: главная, сказуемая, и дополнительная, предикативная линия, которая организуется девербативом с суффиксом *-ung*. Девербатив здесь несет функцию главного члена второй, номинализованной (зависимой) предикации [1, с. 40]. Анализ синтагматического поведения, а точнее, формирования синтагматического значения отглагольных имен с суффиксом *-ung* обязательно должен опираться на понятие валентности. Валентность, в свою очередь, является индикатором необходимого или возможного окружения слова, и тем самым, предусматривает контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровнях. Интенциональное состояние воспоминания, памяти может быть выражено в субстантивной лексике немецкого языка отглагольными существительными с суффиксом *-ung* и субстантивированными инфинитивами, образованными от следующих интенциональных глаголов: (*sich*) *erinnern* – *das Erinnern* – *die Erinnerung*; *gedenken* – *das Gedenken*.

Семантической доминантой сигнификативного значения данных лексем является сознательное воспроизведение предметов и положений дел объективной действительности, имеющих отношение к прошлому. В следующем примере речь идет о мемориале в Берлине,

установленном в память о евреях – жертвах нацизма. Мемориал расположен в центре Берлина между Бранденбургскими воротами и элементами бункера бывшего руководства нацистской Германии и представляет собой огромное поле из более чем 2700 серых плит: *Es ist eine Gedächtnislandschaft, die verstört, eine Abstraktion des Grauens, die sich mit Worten ohnehin nie fassen lässt. Über die Details gab es Diskussionen. Einig ist man sich in dem entscheidenden Punkt: Die Erinnerung an das dunkelste Kapitel der deutschen Geschichte soll wachgehalten und Wissen darüber vermittelt werden. Mitten in Berlin. Im Herzen der deutschen Hauptstadt [21, S.12-13].* Дистрибуция отглагольного существительного *die Erinnerung* наглядно показывает, что этот синтаксический дериват полностью мотивирован производящим глаголом. Девербатив *die Erinnerung* образован не от возвратного глагола *sich erinnern* (*помнить, вспоминать*), а от инфинитива глагола *erinnern*, имеющего сигнификативное значение «напоминать». Данные словаря валентности и дистрибуции существительных немецкого языка [23] позволяют представить дистрибуцию данного отглагольного существительного *Erinnerung*: *Erinnerung* → pS (an); S→Abstr.

В качестве облигаторного актанта выступает пропозициональный субстантив, выраженный отвлеченным понятием *das Kapitel der deutschen Geschichte*, обозначающим интенциональный предмет, на который направлено соответствующее интенциональное содержание. Предлог *an* изначально задан управлением мотивирующего глагола *erinnern*. Синтаксическая конструкция данного предложения свидетельствует о том, что это отглагольное существительное обозначает часть подлежащего, стоящего в свою очередь, в страдательном залоге. В качестве инфинитива, зависящего от модального глагола (в данном случае глагол *sollen*, категорично выражающий модальность необходимости), выступает инфинитив пассив *gehalten werden*, состоящий из формы партицип II полнозначного глагола *halten* и вспомогательного глагола *werden* в форме инфинитива. Модальность необходимости производит определенный прагматический эффект, т.е. здесь имплицировано обращение к гражданам ФРГ, что они должны сохранить память о самой мрачной главе истории Германии. Актуальным значением лексемы *die Erinnerung* в данном фрагменте дискурса будет значение «память». Автором эксплицируется не только интенциональное состояние воспоминания памяти, но и субъективная оценка. Учитывая значение последующих предложений в рамках данного сверхфразового единства: *Mitten in Berlin* и *Im Herzen der deutschen Hauptstadt*, можно заключить, что данный фрагмент дискурса получает интенциональное значение «память о преступлениях нацистов». Экстралингвистические знания, транслируемые общественным дискурсом через публицистический текст, являются причиной того, что, вопреки теории словообразовательного значения таких отглагольных существительных, значение «предметность» не становится доминирующим и не нейтрализует в данной лексеме значение «процессуальность».

В статье «Восстание против Гитлера» речь идет о героическом подвиге графа фон Штауффенберга, полковника вермахта, одного из основных участников группы заговорщиков, спланировавших и осуществивших покушение на жизнь Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Он стал одной из первых жертв репрессий гестапо и СС, последующих за этим событием. В современной Германии 20 июля объявлено днём траура по казнённым и ежегодно сопровождается проведением торжественных мероприятий. На месте казни графа фон Штауффенберга и его товарищей проводится торжественное принятие присяги военнослужащими: *Er und seine Freunde glaubten an ein anderes Deutschland. Deshalb ist die Erinnerung an den Widerstand wichtig. Denn den Opfern nationalsozialistischer Herrschaft wurde bewusst, dass es ein anderes Deutschland gab, das andere Werte verkörperte als die von den Nationalsozialisten proklamierten. So gesehen, war das Scheitern des Anschlags historisch folgenreich und keineswegs erfolglos [24, S.20-21].*

Лексема *die Erinnerung* также актуализирует парадигматическое структурное значение «память» и получает дополнительные оценочные компоненты лексического значения. Автором дана эпистемическая оценка по шкале важно/ неважно в отношении вербализованного интенционального состояния памяти: *Deshalb ist die Erinnerung an den*

Widerstand wichtig. Содержание последующих предложений в рамках этого сверхфразового единства поясняет, почему важно помнить о подвиге этого офицера и о сопротивлении в целом. Продуктивным видом образования отглагольных существительных является так называемая субстантивация глаголов, точнее их инфинитивов, как один из видов конверсии, или словообразования путем модификации парадигмы словоизменения, не затрагивающего основу слова и ведущего к переходу слова в другую часть речи по сравнению с производным. Конверсия, представляя собой особый случай имплицитной деривации, исключительно продуктивна в сфере отглагольной деривации существительных. В основе её лежат как простые инфинитивные формы (*Leiden, Tun, Wollen*), так и префиксальные глаголы (*Bestehen, Abfischen*), композиты (*Auseinanderfallen, Sitzenbleiben*) словосочетания (*Zuspätkommen*) предложения (*Vergißmeinnicht*) [11, с. 131].

Основные разногласия в отношении определения лингвистического статуса субстантивированного инфинитива касаются того, что некоторые исследователи рассматривают данные лексические единицы в качестве эксплицитных дериватов, а *-(e)n* в этом случае как именной суффикс, подобно *-ung* и др, а не как формант инфинитива [20, S. 321, 326], но названная модель отличается от остальных глагольных моделей номинализации употреблением возвратного местоимения *sich* [11, с. 132]. В то время как у остальных отглагольных субстантивных типов возвратное местоимение *sich* рефлексивного глагола элиминируется (*sich erinnern – die Erinnerung*), при конверсии оно нередко входит в состав образованного отглагольного существительного: *sich wünschen – die Art des Sich-Wünschens*.

Субстантивированные инфинитивы, как отглагольные существительные только среднего рода, употребляются исключительно в единственном числе [16, S.128]. В области перехода от глагола к существительному, субстантивированный инфинитив стоит значительно ближе к глаголу, чем, например, отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, и тем самым, представляет процесс незавершенный, возможно даже постоянно повторяющийся: *Eine erst nach 1989/90 so möglich werdende Öffnung des Blicks nach Osten holt ältere geographische Muster ins historische Denken zurück, die Faszination durch den osteuropäisch-eurasischen Raum taucht wieder auf, manchmal mit leicht mythisierenden Obertönen* [19, S.8]. Потенциальная способность данных отглагольных существительных к образованию множественного числа и тенденция к развитию у них собственно предметных значений объясняется следующим образом. Словообразовательными значениями этого вида существительных могут быть как протекающие «процессы», так и акты в их завершенности, т.е. такие словообразовательные значения, как «результат действия», «состояние» [11, с. 127].

Модели словообразования отглагольных существительных с суффиксами *-en* и *-ung* являются продуктивными в лексической системе современного немецкого языка. При этом отношения между отглагольным существительным с суффиксом *-ung* и субстантивированным инфинитивом, как представителями таких словообразовательных моделей, являются не вполне равноправными. Субстантивация глагола в форме инфинитива как разновидность конверсии, в отличие от отглагольных существительных на *-ung*, не ограничена какими-либо видами глагола. В то время как с помощью суффикса *-en* можно любой глагол трансформировать в имя (существительное), образования с суффиксом *-ung* возможны не со всеми глаголами: *erinnern; das Erinnern, die Erinnerung; gedenken; das Gedenken*, но не *Gedenkung; vermuten; das Vermuten, die Vermutung; denken; das Denken*, но не *Denkung*. Субстантивированные инфинитивы занимают особое место среди отглагольных существительных. При образовании таких лексических единиц речь идет о так называемой «перекатегоризации» (*Umkategorisierung*). Такие существительные, как, например, *das Erziehen, die Erziehung*, рассматриваются в качестве «чистых» номинализаций (*reine Nominalisierungen = nomina actions*), здесь изменяется только синтаксическая категория, а семантическая репрезентация глагола сохраняется [20, S. 320-321]. Идея «чистой» номинализации по В. Мочу способствует формированию мысли о таком подразделении лексического и грамматического в продукте «чистой» номинализации способом субстантивации инфинитива, при котором утверждается тождество лексического значения глагола и

субстантивированного инфинитива («нового», особого слова) при различии общекатегориальных и, разумеется, частных грамматических значений, сопоставляемых образований [9, с. 12].

В отличие от субстантивированного инфинитива, отглагольные существительные с суффиксом *-ung*, обладают более массовой лексикализацией: в лексикографических источниках зафиксировано значительно меньшее количество субстантивированных инфинитивов по сравнению с теми, которые встречаются в текстах и в речи. Это свидетельствует о более глубоком противоречии между глагольной и субстантивной сторонами комплекса свойств субстантивированного инфинитива [9, с. 14].

В статье Жанет Шайян «Память – база для будущего Европы» отражено важное дискурсивное событие – визит федерального канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера в Польшу, где он вместе с премьер-министром Польши Бузеком возложил венки к мемориалу на кладбище Пальмиры. На этом кладбище похоронено свыше 2000 польских граждан, бывших в свое время духовной элитой страны, и расстрелянных нацистами в период 1939–1941 гг.: Auf der einen Seite *das Erinnern* an die Gräuel, die das nationalsozialistische Deutschland seinen Nachbarn während des Zweiten Weltkrieges angetan hat. Auf der anderen das freundschaftliche Miteinander, das sich seit dem Niedergang des Kommunismus in Europa entwickelt hat. Die beiden Szenen füllen zugleich einen Satz mit Leben, den Schröder in seiner Ansprache am Abend sagte: „*Erinnern* ist die Basis, um miteinander Zukunft gewinnen zu können – und die heißt Europa“. Die polnische Presse würdigte Schröders Besuch in Palmiry und *das Gedenken* an die polnischen Opfer des Nazi-Terrors denn auch als Beweis dafür, dass auch die neue Generation deutscher Politiker, die den Krieg nicht unmittelbar erlebt hat, sich der Geschichte nicht entzieht. Sie wertete Schröders Geste in Palmiry in Anlehnung an den Kniefall Willy Brands vor dem Ehrenmal des Warschauer Ghettos 1970 als „Ergänzung und Zusammenfassung der historischen Gesten seiner Vorgänger“, er habe damit „symbolisch eine gewisse Lücke in dem gemeinsamen Gedächtnis gefüllt“ [22, S. 26].

Интенциональное состояние «воспоминание, память» выражено субстантивированными инфинитивами *das Erinnern* и *das Gedenken*. В первом случае субстантивированный инфинитив *das Erinnern* несет грамматическое значение «процессуальность», т.е. протекающий процесс как память соседних народов Германии и Польши о зверствах, учиненных нацистскими преступникам во время Второй мировой войны. В границах данного сверхфразового единства этот субстантивированный инфинитив потенциально может выразить акт завершенности этого процесса воспоминания, т.е. получать дополнительно грамматическое значение «состояния», как своеобразный ментальный ретроспективный взгляд в прошлое. Во втором случае, отглагольному существительному в форме субстантивированного инфинитива *das Erinnern* придается грамматическое значение процессуальности (периодичности, повторяемости), свойственное глаголу (*sich*) *erinnern* как части речи. Именно этим фактом и обусловлено употребление субстантивированного инфинитива в данном фрагменте дискурса, в отличие от отглагольного существительного *die Erinnerung*, которое в этом случае отражало бы сам факт наличия интенционального состояния памяти, воспоминания в сознании носителя языка. Во втором отрывке интенциональное состояние выражено с помощью субстантивированного инфинитива *das Gedenken*. В отличие от отглагольного существительного *das Erinnern*, которое также обозначает интенциональное состояние памяти, воспоминания, данная лексема получает дополнительное эмотивное значение посредством положительной коннотации, а именно значение «память – почитание». Выражаемое Герхардом Шрёдером почитание памяти жертв нацистского режима эксплицировало другое интенциональное состояние воспоминания, а именно, воспоминание о жесте канцлера Вилли Брандта, вставшем на колени перед мемориалом в бывшем варшавском гетто в 1970 году. Данный публицистический текст как фрагмент дискурса имеет интенциональное значение «память – почитание (покаяние)» как память исторического прошлого немецкого народа, и получает интенциональное значение «память как покаяние», благодаря которому немецкий народ помнит (постоянно вспоминает) о преступном нацистском прошлом Третьего рейха, но в то же время через это покаяние (возложение венков и пр.) и добрососедские отношения с соседними странами, намерен строить будущее Европы.

Данное интенциональное значение раскрывает важные дискурсивные связи с другими значимыми историческими, и соответственно дискурсивными событиями. В приведенном примере данная лексема в рамках дискурса выражает интенциональное состояние памяти, воспоминания, которое, с одной стороны, направлено в прошлое, но в то же время имеет определенный вектор направленности в будущее. Данный пример наглядно иллюстрирует идею Э. Гуссерля о так называемой «внутренней временности» (*innere Zeitlichkeit*), которая является универсальной формой существования интенциональных переживаний, и как подчеркивает Э. Гуссерль, «означает не только то всеобщее, что относится к любому отдельному переживанию, но и необходимую форму, связывающую одно переживание с другими» [5, с. 20]. Такая форма внутренней временности позволяет интенциональным состояниям, выраженным в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, указывать на некоторую социально-историческую связь интенциональных состояний во времени и формировать сложные структуры таких интенциональных переживаний, а также вскрывать онтологическую взаимосвязь между субъектом и объектом, социальной практикой и предметной действительностью в рамках дискурсивной парадигмы. Наличие такого атрибута интенциональных переживаний (состояний), как внутренняя временность, свидетельствует, прежде всего, о том, что только человек разумный (*homo sapiens*) способен придавать (приписывать) значение, в особенности интенциональное, предметам и положениям дел объективной действительности не только в настоящем, но в прошлом и будущем. Таким образом, особенность данных существительных, представляющих субстантивацию глагола в форме инфинитива, заключается в том, что эти языковые единицы, несмотря на переход слова в другую часть речи при таком словообразовании, перенимают от глагола и сохраняют за собой статус глагольно-процессуальной лексемы.

Заключение

Итак, особенность употребления отглагольных существительных с суффиксом *-ung* при вербализации ими интенциональных состояний заключается в том, что в силу своей мотивированности глаголом, они могут выражать не только грамматическое значение предметности, но и процессуальности. Отглагольные существительные, являющиеся субстантивными дериватами интенциональных глаголов, не только маркируют интенциональное состояние в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса, но и в рамках социально-исторического контекста, отраженного в публицистических текстах, получают дополнительные значения. Интенциональное значение, которое получает публицистический текст в качестве определенного фрагмента дискурса, формируется не только автором текста, который является индивидуумом данного социума, носителем сознания данной языковой общности, но и всей социальной практикой, отраженной в таких текстах.

Список источников

1. Адамец П. О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных // Филологические науки. 1973. №4. С.40–46.
2. Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. №6. С.63–73.
3. Барбашов В. П. Формирование интенционального значения в публицистическом тексте как фрагменте медиа-дискурса (на материале современного немецкого языка): монография. Барнаул: Концепт, 2013. 153 с.
4. Глушак Т. С., Балакирев В. Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом *-ung*) // Иностранные языки в школе. 1980. №5. С.17–22.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С.14–94
6. Малинина Р. А. Gedächtnis – Erinnerung – Erinnerungskultur в современном историческом сознании Германии. Проблема перевода // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С.76–94.
7. Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке: монография. Казань.: Изд-во Казанского университета, 1985. 70 с.
8. Мясникова К. А. Феномен Erinnerungskultur в Германии: становление, история развития, актуальное состояние // Культура и цивилизация. 2022. №1. С. 82–92.
9. Павлов В. М. Теория поля в грамматике и «промежуточные» явления как единства противоположностей (на примере исторического синтаксиса девербальных номинализаций в немецком языке) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 26-28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 8–16.

10. Степанова М. Д., Чернышёва И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
11. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
12. Фолльнхальс К. Критический анализ национал-социализма в современной (западно)германской истории и германском обществе после 1945 года // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 31–44.
13. Хайдемайер Х. Осмысление диктатуры СепГ после 1990 года // Отношение к прошлому. Осмысление Германией двух ее диктатур. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 45–55.
14. Assmann A. Kultur des Erinnerns // Deutschland. 2015. № 1. S.13–17
15. Esfeld M. Von einer pragmatischen Theorie der Bedeutung zur Philosophie des Geistes // Pragmatisch denken. Frankfurt am Main: Ontos-Verlag, 2004. S. 147–168.
16. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin; New-York.: Walter de Gruyter, 1994. 452 S.
17. Jäger S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. Bd.1. Opladen, 2001. S.81–112.
18. Jung A. Nationales Trauma // Spiegel Geschichte. 2009. №4. S. 98–107.
19. Kocka J. Vor dem Jahrtausendwechsel: Was nehmen wir in die Zukunft // Deutschland. 1999. №6. S. 6–11.
20. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Band 8. Berlin; New-York.: Walter de Gruyter, 1994. 451 S.
21. Schayan J. Holocaust-Mahnmal // Deutschland. 2005. №2. 2005. S.12–13
22. Schayan J. Erinnern als Basis – für die Zukunft in Europa // Deutschland. 1999. №5. S. 26–27.
23. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1980. 432 S.
24. Steinbach P. Widerstand gegen Hitler // Deutschland. 2004. №3. S. 20–21.

**THE ROLE OF DEVERBAL SUBSTANTIVES AS MEANS
OF VERBALIZATION OF INTENTIONAL STATES
IN THE MODERN GERMAN JOURNALISTIC DISCOURSE
IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY**

Barbashov Vladimir Petrovitch

Linguistic Institute of the Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract: The article considers deverbal substantive as a means of verbalization of intentional states in the modern journalistic discourse of Germany. The author has developed an intentional approach that allows revealing the potential of these linguistic units in the aspect of this scholarly problem. The actual material of the is represented by journalistic texts as fragments of discourse, which were extracted by continuous sampling from such modern periodicals in Germany as «Deutschland» and «Spiegel».

Key words: intentionality, intentional state, intentional act, historical memory, deverbal substantive, journalistic discourse.

References:

1. Adamec P. O. O semantiko-sintaksicheskijh funkcijah deverbativnyh i dead#ektivnyh sushhestvitel'nyh [On the semantic-syntactic functions of deverbative and dead#ective nouns] // Filologičeskie nauki. 1973. №4. S.40–46.
2. Arutjunova N. D. O nominativnom aspekte predložhenija [On the nominative aspect of a sentence] // Voprosy jazykoznanija. 1971. №6. S.63–73.
3. Barbashov V. P. Formirovanie intencional'nogo znachenija v publicističeskom tekste kak fragmente media-diskursa (na materiale sovremennogo nemeckogo jazyka) [Formation of intentional meaning in a journalistic text as a fragment of media discourse (based on the material of the modern German language)]: monografija. Barnaul: Koncept, 2013. 153 s.
4. Glushak T. S., Balakirev V. F. O statuse otglagol'nyh sushhestvitel'nyh v jazyke (na primere proizvodnyh s suffiksom -ung) [On the status of verbal nouns in language (using derivatives with the suffix -ung as an example)] // Inostrannye jazyki v shkole. 1980. №5. S.17–22.
5. Gusserl' Je. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologičeskoj filosofii [Ideas towards a pure phenomenology and phenomenological philosophy]// Jazyk i intellekt. M.: Progress, 1996. S.14–94

6. Malinina R. A. Gedächtnis – Erinnerung – Erinnerungskultur v sovremennom istoricheskom soznanii Germanii. Problema perevoda [*Gedächtnis – Erinnerung – Erinnerungskultur in the Contemporary Historical Consciousness of Germany. The Problem of Translation*] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2009. № 2. S.76–94.
7. Maslova N. A. Semantika i sintaksis proizvodnyh imen sushhestvitel'nyh v sovremennom nemeckom jazyke [*Semantics and syntax of derived nouns in modern German*]: monografija. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1985. 70 s.
8. Mjasnikova K. A. Fenomen Erinnerungskultur v Germanii: stanovlenie, istorija razvitija, aktual'noe sostojanie [*The Phenomenon of Erinnerungskultur in Germany: Formation, History of Development, Current State*] // Kul'tura i civilizacija. 2022. №1. S. 82–92.
9. Pavlov V. M. Teorija polja v grammatike i «promezhutochnye» javlenija kak edinstva protivopolozhnostej (na primere istoricheskogo sintaksisa deverbal'nyh nominalizacij v nemeckom jazyke) [*Field theory in grammar and "intermediate" phenomena as unities of opposites (using the example of the historical syntax of deverbal nominalizations in the German language)*] // Teoreticheskie problemy funkcional'noj grammatiki: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 26-28 sentjabrja 2001 g.). SPb.: Nauka, 2001. S. 8–16.
10. Stepanova M. D., Chernyshëva I. I. Leksikologija sovremennogo nemeckogo jazyka [*Lexicology of the modern German language*]. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 256 s.
11. Stepanova M. D., Fljajsher V. Teoreticheskie osnovy slovoobrazovanija v nemeckom jazyke [*Theoretical foundations of word formation in the German language*]. M.: Vysshaja shkola, 1984. 264 s.
12. Foll'nhal's K. Kriticheskij analiz nacional-socializma v sovremennoj (zapadno)germanskoj istorii i germanskom obshhestve posle 1945 goda [*A Critical Analysis of National Socialism in Modern (West) German History and German Society after 1945*] // Otnoshenie k proshlomu. Osmyslenie Germaniej dvuh ee diktatur. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2018. S. 31–44.
13. Hajdemajer H. Osmyslenie diktatury SePG posle 1990 goda [*Understanding the SED Dictatorship After 1990*] // Otnoshenie k proshlomu. Osmyslenie Germaniej dvuh ee diktatur. M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2018. S. 45–55.
14. Assmann A. Kultur des Erinnerns // Deutschland. 2015. № 1. S.13–17
15. Esfeld M. Von einer pragmatischen Theorie der Bedeutung zur Philosophie des Geistes // Pragmatisch denken. Frankfurt am Main: Ontos-Verlag, 2004. S. 147–168.
16. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin; New- York.: Walter de Gruyter, 1994. 452 S.
17. Jäger S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse // Handbuch Sozialwissenschaftliche Diskursanalyse. Theorien und Methoden. Bd.1. Opladen, 2001. S.81–112.
18. Jung A. Nationales Trauma // Spiegel Geschichte. 2009. №4. S. 98–107.
19. Kocka J. Vor dem Jahrtausendwechsel: Was nehmen wir in die Zukunft // Deutschland. 1999. №6. S. 6–11.
20. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Band 8. Berlin; New-York.: Walter de Gruyter, 1994. 451 S.
21. Schayan J. Holocaust-Mahnmal // Deutschland. 2005. №2. 2005. S.12–13
22. Schayan J. Erinnern als Basis – für die Zukunft in Europa // Deutschland. 1999. №5. S. 26–27.
23. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution der Substantive. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1980. 432 S.
24. Steinbach P. Widerstand gegen Hitler // Deutschland. 2004. №3. S. 20–21.